

П. П. Семенов

Живописная Россия

Том 1 Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С30

С30 **Семенов П.П.**
Живописная Россия: Том 1 Часть 2 / П. П. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 404 с.

ISBN 978-5-518-03797-7

Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Северная Россия.

ISBN 978-5-518-03797-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЧЕРКЪ ІХ.

НЕСТОРОВА ВЕСЬ И КАРЕЛЬСКІЯ ДѢТИ.

Исторія Озерной области. — Миграція финскихъ народовъ. — Природа мѣстности. — Чудь, Карела и Савакоты. — Сказка о пещерѣ Чудь. — Другія названія Чудь. — Вѣсь. — Гдѣ и сколько жила Чуда. — Антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища. — Бѣдность и то кудь-гурское состояніе, въ которомъ находилась Вѣсь при встрѣчѣ съ Русскими. — Вымираетъ ли Чудь. — Историческіе свѣдѣнія. — Поездка. — Рожденіе. — Свадьба. — Похороны. — Обычай. — Карела. — Разсказаніе и чужды души. — Важнѣе антропологическіе признаки. — Жилище. — Пища.

Рыбачій домъ въ Олонецкой губерніи.

*Въ полночь довольствѣ и счастья когдѣ
Жили туземцы въ Карельской землѣ.
Рабства не вѣдали, жили богато,
Шравили землею ихъ старій Туле.
Но человекъ волосатый явился,
Загналъ въ пещеру сѣдаго Туле,—
Селуль старикъ, а пришлецъ водворился
Полнымъ владыкой въ Карельской землѣ.
Но не погибъ Кареликъ и въ неволѣ;
Въ дружбу сумѣлъ онъ съ пришельцемъ вступить,
Живо слекнулъ онъ, какъ бытъ въ новой долѣ—
Шкуру сумѣлъ на овчину сѣбѣнуть.*

ИЗЪ КАРЕЛЬСКАГО ПРІВАНІЯ.

овно будто одинъ народъ живетъ и въ Финляндіи, и въ Балтійскихъ губерніяхъ, и въ нашей Озерной области, а какъ поразглядишь его попристальнѣе, какъ присмотришься и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ къ обычаю народному, такъ и увидишь, что родъ-то тотъ, да порода другая. По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда всѣ нынѣшніе Финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая, въ сосѣдствѣ и братствѣ съ тюрко-алтайскими племенами, съ которыми и до сихъ поръ еще представляютъ они много общаго въ анатомическомъ строѣ своемъ. Чего они между собою не подѣлили—того никто узнать доподлинно не можетъ, а только слѣдуетъ полагать, что не подѣлили они угодій, и первая ссора братьевъ

произошла изъ-за простора да изъ-за хлѣба насущнаго. Не сразу, конечно, двинулись въ далекій путь уралоалтайскіе народы, извѣстные болѣе подъ именемъ Финновъ, и побуждаемые

Тюрко-алтайцами и будучи послабѣ ихъ, только отдалились на время отъ стародавнихъ своихъ сельбищъ; прошли года, и новый напоръ сѣльвѣйшихъ сосѣдей снова продвинулъ Финновъ далѣе на сѣверозападъ, а тамъ, захвативши горы и безкормицы, перевалили они наконецъ и черезъ «Киви-панда», а по нашему Уральскій хребетъ, что показался имъ запросто «Камнемъ-горою». Пошли отсюда Финны не скоро, а прежде пожили по обоимъ склонамъ «Киви-панда» и разошлись разнѣю повидимому уже тогда, когда за голодовою невтерпежъ стало имъ жить вмѣстѣ. Одна вѣтвь не захотѣла искать невѣрнаго счастія на новыхъ мѣстахъ и осталась почти у самаго перевала, а другая двинулась далѣе искать приволья и безбѣднаго житья. Тѣ, что пошли далѣе на западъ, въ свою очередь, не ужились вмѣстѣ и снова раздѣлились на нѣсколько отраслей: одни снова остались на мѣстѣ и удовольствовались странною между Свирью, Бѣлоозеромъ, Везьегонскомъ (Вези-јаги, или водная рѣка) и Волховомъ, а другіе пошли на сѣверъ и затѣмъ на сѣверозападъ, чтобы положить начало финскому населенію Ботническаго и Финскаго побережій, вплоть до Ладожскаго озера на востокъ и до лопскихъ поселеній на сѣверъ; но и эти, покинувшіе свои сельбища въ Заволочѣ, на великихъ сѣверныхъ волокахъ между Печорою, Двиною и Онегою, Финны не цѣлкомъ ушли въ нынѣшнія мѣста жительства и притомъ отнюдь не за одинъ походъ совершили свое переселеніе, такъ какъ въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Прионежскаго края они оставили снова часть своихъ однородцевъ, которые и понынѣ живутъ здѣсь подъ именемъ Кареловъ или «дѣтей Карельскихъ» нашихъ лѣтописей; нѣкоторая часть общей массы двинулась черезъ Волховъ, перешла въ систему Невы и отчасти Финскаго залива и подъ именемъ «Води» и «Савакотовъ» стала известна Русскимъ; тутъ къ сельбищамъ Води подошли черезъ нѣсколько времени съ сѣвера сельбища финляндскихъ Финновъ, обогнувшихъ Ладогу, и такимъ образомъ снова припили во взаимное соприкосновеніе двѣ группы, когда-то отдѣлившіяся другъ отъ друга ради исканія лучшихъ мѣстъ. Въ то же самое время какъ одна финская волна двигалась на западъ, другая пошла къ Волгѣ и еще южнѣе и породила Финновъ приволжскихъ, прикамскихъ и присурскихъ.

Хоть и неприглядна страна, которую изстари повелось называть Терви-маа или странною озеръ, хоть и нѣтъ въ ней роскошныхъ пастбищъ и пахатей, пригодныхъ для того человѣка, который уже поотсталъ отъ первичной заботы о сегодняшнемъ днѣ и задумался о томъ, что будетъ онъ ѣсть завтра и далѣе; но для того, кто еще не додумался до возможности жить благодаря разведенію прирученныхъ животныхъ и посѣву такихъ злаковъ, которые могутъ служить въ пищу человѣку, для того, кто искалъ промысловаго, и лѣснаго, и рыбнаго простора, какъ по лѣсамъ, такъ и по рѣкамъ и озерамъ, — для такого дикаря и воды и дѣбри были желаннымъ мѣстомъ, и издавна стремился туда потокъ народный, когда-то двинувшійся въ Европу изъ Азии. Обширные лѣса давали и звѣря всякаго, и дичи вдоволь; раскинулись на цѣлыя тысячи верстъ привольныя озера, а изъ нихъ широкими лентами потекли рѣки отъ озера до озера, вплоть до самаго синяго моря; чуть ли не тысяччи верстъ можно проѣхать по этой странѣ въ лодкѣ, благодаря тѣмъ протокамъ, которые словно нарочно устроены на этомъ безлюдьѣ и бездорожьи большими дорогами для промысловаго озернаго человѣка, который охотится за 5 дней пути отъ дома, рыбу ловить верстъ за восемьдесятъ отъ своей хаты, а сѣно носить привыкъ покрайней мѣрѣ дня за три отъ деревни.

Искони вѣковъ облюбилъ Финны воду и уѣлся своими жильями по воднымъ мѣстамъ, а Карела, и при томъ въ особенности олонецкая, такъ и вовсе водяной народъ. Послѣ долгихъ странствованій, послѣ долгаго исканія удобныхъ для поселенія мѣстъ, въ свѣхъ Финновъ, какъ выше мы уже видѣли, въ Озерной области осѣли Везь, Карела и Савакоты, а потому нѣкто-то описаніемъ мы и займемся въ этомъ очеркѣ и притомъ начнемъ съ Вези, которая для Финновъ княжества играеть такую же роль, какую Болгары играють для насъ Русскихъ. Везь — древнѣйшій финскій народъ и въ языкѣ ея черпають, какъ въ сокровищницѣ гельсингфорескіе лингвисты свою премудрость и арханзмы своего языка. Люди, специально знакомые съ языкомъ

Весянь, этого уцѣлѣвшаго обломка древности, прямо и безповоротно относятъ ихъ къ той группѣ Урало-алтайцевъ, которую принято называть въ наукѣ западнофинскою и которая по отношенію къ Финнамъ Финляндіи представляется какъ бы самымъ старшимъ ихъ братомъ; не недавно, и чуть ли не съ самой той поры, какъ зачалась русская исторія въ смыслѣ государственности, а не одной лишь общественности, познакомился русскій человѣкъ съ этими своими сосѣдями и сталъ исподволь селиться среди ихъ, благо народъ былъ мирный и только отступалъ передъ наплывомъ русскихъ, новгородскихъ переселенцевъ, въ исканіи приволья и простора прибывавшихъ въ ихъ страну. Встрѣтился онъ съ ними на рѣкѣ, на озерѣ, среди дремучаго лѣса, но при встрѣчѣ не обидѣлъ — всѣмъ де-туть у насъ простору много, проживемъ мы сосѣдями; задумался русскій человѣкъ надъ тѣмъ, что встрѣчные люди далеко не тѣ, что привыкъ онъ видѣть среди русскаго люда, и понялъ, что люди эти и чужаки ему, да и чудные какіе: и личина-то иная, и не казисты на видѣ, и роста того не дали, и волосами будто потемнѣе вышли, и глазами выблѣднѣли, и раскосило ихъ, и скулы повыдались. Къ представленію о чудноватости и чужести невольно присоединилось и понятіе о чудовищности этихъ странныхъ, небольшихъ людей, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ, навѣрное знающихся съ лѣшнымъ и съ водянымъ. Видимое дѣло, что, имѣя подъ рукою такія опредѣленія для встрѣчнаго человѣка, какъ чужакъ, чудной и чудовище, нечего было русскому поселнику задумываться долго надъ общимъ именемъ для всего чужероднаго народа, а потому и назвалъ онъ его «Чудью», что на всѣ три примѣты годится; зашло словечко въ Новгородъ Великій, а оттуда съ базара попало и въ свитки тѣхъ почтенныхъ старцевъ, что записывали въ наученіе молодымъ поколѣніямъ и дѣло, и бездѣлье, и фактъ, и примѣту, и про войну, и про дождь кровавый въ свои свитки, изъ которыхъ затѣмъ пошла исторія. Стали Новгородцы ѣздить для торгу въ разныя мѣста, заѣзжали и на югъ, гдѣ встрѣчались и съ греческими торговцами, которые на слово охотливы, а на наживу и того еще больше; умный Грекъ, что ѣздилъ по свѣту для собственной и чужой науки, изловить налету мудрое словечко, записалъ въ свои таблѣтки и, перевравъ его, выдалъ въ формѣ «Скуфи», такъ какъ буквы *ч* не могъ найти въ своихъ литерахъ, да и зналъ, что рабы, которые въ его отечествѣ изъ тѣхъ же мѣстъ попадались, вѣчно вмѣсто *скафо* говорили *чахво*; ту же рабыню привычку замѣтилъ и сородичъ того Грека, пересмѣшникъ Аристофанъ. Коль народъ — Скуфь, такъ и земля его — Скуфь (Скифія), такъ какъ иначе не могъ Грекъ и назвать страну, благо у него на дому, гдѣ поселились Віотійцы — тамъ и Віотія, гдѣ Ахейне — тамъ Ахаія. Подхватили мудреное словечко у ученаго Грека, и пошла его Скуфь по свѣту, задавая собою постоянный вопросъ тѣмъ, которые хотѣли понять истинное значеніе этого слова. А между тѣмъ и самъ обозванный такимъ прозвищемъ народъ, да и ближайшіе сосѣди его и не думали покидать разъ уже вошедшихъ въ обычай названій; послѣднія такъ и дальше пошли и стали излюбленное ими прозвище варьировать на всякій ладъ, и пошли по всей Руси: и Чудь, и Чудки, и Чухари, и Чухонцы, и за-просто Чушки, благо прозвище послѣднее давало возможность сосричь насчетъ чужеродцевъ. Узналъ потомъ народъ русскій и другія отдѣльныя народныя прозвища того, что огуломъ называлъ онъ Чудью, провѣдалъ опять же Богъ вѣсть откуда особья прозвища для Мокши, Суоми, Коми, Егры, обозвалъ ихъ Мордвою, Чухнами, Зырянами и Остяками и только за небольшимъ клочкомъ обширнаго финскаго народа оставилъ стародавнее прозвище Чуди, видоизмѣняя его иногда въ Чухарей. Однако лѣтописецъ прослышалъ и другое прозвище для этой народности и записалъ во многихъ мѣстахъ ее подъ именемъ «Веси», какъ и донинѣ зовутъ ее сородичи сѣверные. Самъ народъ этотъ однако врядъ ли когда зналъ, какъ называютъ его сосѣди финскіе и русскіе, и соблюлъ въ неприкосновенности свое настоящее и исконное прозвище, хотя и многое успѣлъ перенять у Русскихъ, живя такъ долго заодно съ сосѣдями. Звалъ онъ себя какъ-то странно, такъ что и самъ теперь едва объяснить можетъ, и только подбирая остатки своего древняго языка и по наведенію можетъ онъ иногда навести спрашивающаго на настоящее значеніе своего прозвища; онъ себя называетъ «Лудиницадъ» и сумѣетъ

отличить себя от соседней Карелы, которая такъ на него похожа и въшнимъ обликомъ, и обычаями, и даже языкомъ.

Толкуютъ сами Чудине свое прозвище такъ, что составилось оно изъ двухъ чудскихъ словъ, изъ которыхъ одно, а именно «лудъ» значить—кости, а «игадь»—старинный, древній, такъ какъ, говорятъ они, и теперь еще старость называемъ мы «ига», «игадь». Если только такое объясненіе не есть плодъ досужей фантазіи, то по истинѣ не ошиблись Чудине, назвавши себя такъ, а не иначе, такъ какъ они представляютъ собою чуть не самую древнюю отрасль всего

финскаго племени и въ языкѣ ихъ сохранились самыя древнія формы нынѣшнихъ финскихъ словъ и формъ: тутъ-то, видно, и раздѣлились пришельцы на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна двинулась на сѣверъ къ перешейку между Ладогой и Онегой, а другая на западъ, по южному берегу Ладоги. Тогда станетъ совершенно понятнымъ, почему Карела ближе всего подходитъ къ Чуди, такъ какъ она отдѣлилась отъ послѣдней раньше всѣхъ остальныхъ народовъ финскихъ.

Какъ нынѣшнихъ петербургскихъ и новгородскихъ Финновъ звалъ лѣтописецъ подъ именемъ «Води», такъ и Чудю онъ звалъ подъ именемъ «Веси»; прослѣдывая отъ это послѣднее прозвище отъ ихъ же, вѣроятно, собратьевъ, такъ какъ по-русски «Весь» ничего не значить, тогда какъ по-фински имѣетъ значеніе; какъ во многихъ мѣстахъ дѣлали пришельцы, такъ вѣроятно поступили и Русскіе здѣсь: приди въ какую нибудь новую землю, они всегда старались узнать у туземцевъ, какъ называется вновь открытая ими земля, и для этого, указывая на землю, и задавали вопросъ: туземцы не понимали цѣли вопроса, да и самаго вопроса, полагали,

Карелы и Веси.

что спрашиваютъ ихъ, какъ по ихнему земли называется, и сказывали, что земля по ихнему называется такъ-то; такимъ образомъ окрестили Крестоносцы Лифляндію, такъ же точно происходило дѣло и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ же точно случилось и съ Русскими, встрѣтившимися впервые съ Чудью, съ тою лишь разницею, что пришли они въ землю послѣднихъ по искони излюбленнымъ путемъ, по водѣ въ лодьяхъ, а потому при вопросѣ и должны были указывать на воду; вода по-чудски—*vesi*, а отсюда и пошла лѣтописная Веси; даже и сѣверные одноплеменники Чуди называютъ ее Весами, передѣлавъ слово подстать своему говору. Толкуютъ однако и иначе происхожденіе слова «Весь», хотить его съ финскаго же языка ввести, да по своему, отъ глагола «венпаан», что значить—бросать, швырять, покинуть, и утверждаютъ, что Финны покинули Веси, оставили ее на прежнемъ мѣстѣ жительства, а сами ушли искать лучшихъ мѣсть, удобныхъ для поселенія, на сѣверѣ и западѣ; говорятъ они, что и «лудунъ» значить—двигаться, шевелиться, идти.

Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ, когда еще и слыхомъ не слыхатъ было о Русскихъ, широкая Свирь, а по-чудски—Сюверель или Глубокая рѣка, служила гранью между поселеніями чудскими и карельскими, по повидимому грань эта не дѣлала розни, и народы эти жили между собою въ дружбѣ. Такъ и жили оба народа, пока корысть и поиски за одиночествомъ не двинули сюда Русскихъ; одни изъ нихъ шли въ невѣдомыя мѣста ради уединенія и спасенія души, другіе шли забирать земли и уголья ради наживы; это движеніе въ обоихъ слонхъ проявленіяхъ, впрочемъ и чисто захватномъ, шло и совершалось по давно заведенному обычаю, по тому пути, котораго ни строить, ни расчищать не приходилось, а который указанъ самою природою и пролегалъ по теченію рѣкъ Свири, Ояти и Паши; рѣки эти глубоко врѣзывались внутрь страны и поневолѣ манили колонистовъ; въ особенноти первая была и широка, и глу-

бока, и привольна для плаванія; понятно, что на нее прежде всего обратили вниманіе пришельцы и раньше заняли ее, основавъ лишь рѣдкія поселенія на устьяхъ рѣкъ Паши и Ояти и въ тоже время раскинувши по всей Свири цѣлую массу сельбищъ. Все это вело къ тому, что Весь поневолѣ раньше и больше была отодвинута отъ Свири, нежели отъ Паши и Ояти, а теперь успѣла обрусѣть уже и вся Паша, и только Оять да Ладва дальняя борются еще со всеокрушающимъ русскимъ вліяніемъ, хотя и оттуда съ каждымъ десятилѣтіемъ Чудь отодвигается въ смыслѣ инородности; держится еще чудская рѣчь и чудская повадка и въ глухой и дикой Бѣлозерщинѣ,

Чудское поселеніе близъ Ояти.

гдѣ, пожалуй, и до сей поры не услышишь ни одного русскаго слова. До сихъ поръ уцѣлѣли эти мѣста отъ русскаго наплыва и вліянія, благодаря тому, что сама природа будто вступилась за ихъ національность и защитила отъ гибели; непроходимыя топи, скалистыя сельги и непролазные лѣса стоятъ на стражѣ этихъ чисто чудскихъ уголковъ; зимою не проѣхать туда за бездорожьемъ отъ снѣговъ, а лѣтомъ разойдутся болотца, и рѣдкій путникъ рискнетъ проѣхать въ самое сердце Чудской земли въ придуманномъ на ту нужду мѣстномъ экипажѣ — смычкахъ, гдѣ ему ни повернуться, ни ногами пошевелить невозможно.

Какъ бы то ни было, но и теперь еще Весь занимаетъ своими сельбищами весьма значительную территорію, обнимающую собою почти весь Лодейнопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, значительную часть Тихвинскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ Новгородской губерніи и часть Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи; какъ ни широко однако раскинулась Весь въ территориальномъ отношеніи, населеніе здѣсь очень рѣдко въ силу самыхъ природныхъ условій, и, занимая пространство, почти равное площади Швейцаріи, количественно Весь не сравнится даже и съ жителями республики Андорра; всего Веси, если вѣрить даннымъ, собраннымъ администраціею, до 25,000 душъ обоюга пола, но на самомъ дѣлѣ, говорятъ, ее больше, — тысячъ до 35.

Достаточно взглянуть лишь на Весина, чтобы сразу примѣтить ту разницу, которою онъ отличается отъ своего сосѣда—Русскаго; окружи Весина цѣлою толпою Русскихъ, да подбери еще къ нему и Русскихъ-то такихъ, что лицомъ почти въ него вышли, такъ и то выдастъ его раскосость, свѣтлоглазость и скуластость, которыя у Русскаго замѣтишь лишь въ весьма малой мѣрѣ. Ростомъ Чудяне не особенно выдаются изъ среды окрестнаго русскаго населенія и принадлежатъ къ числу людей средняго роста, причемъ послѣдній колеблется между 37 и 39 вершками: видно, холодный климатъ и невзгоды не смогли вымелъчить Чудь, какъ мѣстами вымелъчились Русскіе, попавшіе даже и въ такія благословенныя страны, каковы Тамбовская и Воронежская губерніи; впрочемъ такой ростъ служитъ лишь на пользу Веси по той простой причинѣ, что ихъ рѣдко берутъ во флотъ, куда то и дѣло попадаютъ мѣстные Русскіе, которые противъ нихъ ростомъ не вышли, да заявили за то коренастѣе и уклонѣе, т. е. именно такими, какіе требуются для флотской службы; нужда сдѣлала Чудянь слабыми, а отсутствие промысловъ — неуклюжими, недогадливыми и несмѣливыми, и русскій человекъ, говоря о Веси, постоянно упоминаетъ, что очень уже всѣ они «просты». Вполнѣ худыхъ среди Чуди мало, также точно какъ и такихъ, которыхъ можно причислить къ одутловатымъ и толстымъ; по большей части, Веси по сложенію своему представляетъ счастливую середину, хотя и выказываетъ скорѣе наклонность къ худобѣ, что легко можно объяснить далеко не блестящими условіями ихъ жизни, при наплывѣ болѣе смѣтливыхъ и изворотливыхъ Русскихъ. По цвѣту кожи, пожалуй, и не отличишь Весина отъ Русскаго, такъ какъ на открытыхъ мѣстахъ цвѣтъ этотъ является окрашеннымъ во второй отъ свѣтлѣйшаго тона, а на закрытыхъ — такъ и вовсе представляется въ тонѣ болѣе свѣтломъ, котораго иной разъ не найдешь и у несомнѣннаго Русскаго. Чрезвычайно интересно однако, что Чудяне, несмотря на частыя скрещиванія, не потеряли своей основной для кожи окраски и въ большинствѣ случаевъ даютъ свѣтлокоричневую или свѣтлобуроватую окраску, что лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать у Русскихъ.

Хоть и увѣряютъ про всѣхъ Финновъ вообще, что они бѣлокуры и бѣлобрысы, но это чисто съ вѣтру явившееся положеніе приходится повидимому оставить, такъ какъ всѣ послѣднія изслѣдованія клонятся къ тому, что Финны скорѣе темноволосы, въ виду того, что таковыми оказались Вогулы, Остяки, Самоѣды и Мордва. Оказывается, что и среди Чуди встрѣчается гораздо болѣе темноволосыхъ, нежели бѣлокурыхъ, точно также какъ и у Кареловъ, не говоря уже о Лопаряхъ и Мадьярахъ. Громадное большинство Чудянь имѣетъ волоса самыхъ темныхъ тоновъ окраски, хотя у малолѣтнихъ и подростковъ волосы и свѣтлы. Какъ и у всѣхъ почти остальныхъ народовъ борода, всегда окрашена на одинъ или два тона свѣтлѣе сравнительно съ волосами на головѣ, но все же и на бородѣ волосы у Чуди не могутъ быть признаны свѣтлыми; обыкновенно борода рѣдка и даже вовсе иногда отсутствуетъ, хотя бы по годамъ и должна бы уже вырости, а растительность на тѣлѣ почти никогда не встрѣчается, что составляетъ весьма характеристичный признакъ всего уралоалтайскаго племени, представители котораго постольку лишь обладаютъ болѣе роскошною волосатостью, по скольку они болѣе смѣшивались съ Русскими и другими хорошо обросшими народами.

Русскій человекъ, хоть и обладаетъ значительною наблюдательностью, но, какъ мы видѣли, вдался въ ошибку по части волосъ Чудина, да не ошибся за то, говоря о его глазахъ. Видя постоянно у своихъ сородичей преимущественно темныя тоны глазной окраски, понятное дѣло, русскіе насельники должны были поразиться обычною блѣдностью тоновъ глазъ финскихъ своихъ сосѣдей и сдѣлать изъ этого обстоятельства особенную народную примѣту; насмѣшливыя выраженія въ родѣ «Чуди-бѣлоглазой», примѣнимаго ко всѣмъ Финнамъ вообще, и «желтоглазого», какъ называетъ русскій человекъ въ Петербургѣ чухонца-хозяина своей закладки — все это весьма вѣрныя примѣты, которыя подтверждаются и при научномъ наблюденіи. Почти никогда не встрѣтишь между Чудью человека съ самымъ темнымъ тономъ окраски ириса всѣхъ воз-

возможныхъ основныхъ цвѣтовъ, т. е. коричневаго, синяго, зеленаго и темносѣраго, и напротивъ того чаще всего самыя блѣдныя и среднія тоны; кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать отсутствіе темносѣраго цвѣта, который у Чуди является лишь какъ исключеніе; коричневый цвѣтъ тоже встрѣчается очень рѣдко, а напротивъ того зеленоватый цвѣтъ замѣчается чуть ли не у 50 субъектовъ изо ста, причемъ однако нельзя считать этотъ зеленый цвѣтъ вполне характеристичнымъ для народа, а скорѣе позднѣйшее обезцвѣчиваніе голубаго цвѣта, который также чрезвычайно часто наблюдается въ глазахъ Чуди; голубые глаза — глаза юношей и молодыхъ дѣвушекъ, а состарѣются они — и цвѣтъ ихъ глазъ приметъ вѣроятно зеленоватый оттѣнокъ. Та кудреватость, которая до такой степени рѣзко характеризуетъ нашу русскую, безпримѣсную голову, только крайне рѣдко встрѣчается среди Веси, да слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ кудреватость является какъ бы въ зародышевомъ положеніи и прямѣ всего должна быть отнесена къ вліянію помѣси съ приложимъ русскимъ промышленникомъ; въ большинствѣ случаевъ волоса Чуди совершенно мочалообразны и не представляютъ даже и на вискахъ никакихъ закручиваній, часто встрѣчаемыхъ даже и у тѣхъ народовъ, которые отнесены Фридрихомъ Мюллеромъ къ числу гладковолосыхъ. Сразу и почти безповоротно опредѣляется уже съ перваго взгляда типичная для Чудянъ форма носа: носъ у Чуди и широкъ, и курносъ, и сплюсненъ, и съ раздутыми ноздрями, и съ выступающею изъ-подъ носа мочкою; замѣчено также, что ноздри у Чудянъ не обладаютъ способностью расширяться въ иныхъ случаяхъ, когда онѣ расширяются напримѣръ у Русскихъ, т. е. въ моменты озлобленія, испуга и т. п. Губы Чудянъ наблюдались съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно со стороны относительной ихъ толщины, а также и со стороны направленія прорѣзи рта и слѣдовательно его положенія; оказывается, что Чудяне обладаютъ далеко не толстыми губами и весьма близко въ этомъ отношеніи подходятъ по своей толщинѣ къ губамъ Великоруссовъ, будучи въ то же время толще обычныхъ малорусскихъ губъ. По формѣ прорѣзи своей ротъ Чуди отнюдь не представляетъ собою какого либо типичнаго этническаго признака и расположенъ онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно правильно и только изрѣдка обладаетъ нѣсколько приподнятыми внѣшними углами. Ясное дѣло, что, не употребляя въ обиходѣ своемъ сладкаго, лишенный иногда, и при томъ весьма часто, возможности пить горячій чай, Чудинъ могъ бы обладать хорошими и здоровыми зубами, да и на самомъ дѣлѣ зубы его и велики и хороши; хотя и не принадлежатъ Чудяне къ Арійцамъ, однако зубы у нихъ не выдаются, рѣзцы вставлены вертикально и ничего отличнаго отъ зубовъ обыкновеннаго Великорусса не представляютъ. Лобъ у Чуди по большей части плоскій, а уклоняющійся вверхъ лобъ замѣчается лишь въ качествѣ исключенія; эта типичная для Чуди черта тѣмъ болѣе становится замѣтною, что у большинства мужчинъ и женщинъ, такъ называемая, надбровная выпуклость вполне отсутствуетъ, также точно какъ и надпереносичная впадина. Чудяне обладаютъ очень красивыми бровями, которыя отлично одарены волосами; обыкновенно онѣ образуютъ весьма рѣзко очерченную дугу и лишь крайне рѣдко вытянуты въ прямую линію, причемъ волосы на нихъ по большей части темнаго цвѣта. Къ числу наиболѣе характерныхъ и притомъ наиболѣе распространенныхъ среди Чудянъ этническихъ признаковъ слѣдуетъ несомнѣнно отнести, такъ называемую на языкѣ народномъ, «раскосость»: весьма рѣдко можно встрѣтить субъектовъ съ горизонтально расположенными прорѣзями глазъ, тогда какъ у большинства внѣшніе углы этихъ прорѣзей приподняты обыкновенно нѣсколько къверху, составляя горизонталь 25—30°. Ротъ у Чуди малъ и красиво очерченъ, подбородокъ нѣсколько остръ, и все лицо угловатоострое, что зависѣло конечно отъ сильной скуластости; уши не велики и въ особенности у женщинъ хорошо очерчены, хотя и отдѣляются нѣсколько впередъ. Въ антропологическомъ отношеніи Чудь отличается отъ своихъ соплеменниковъ большою шириною лба; затѣмъ лицевой уголъ ея, по близости котораго къ прямому когда-то судили объ умственныхъ способностяхъ племени и человѣка, равняется лицевому углу Финновъ изъ Финляндіи и довольно великъ; по скуластости они зани-

маютъ послѣ Остяковъ слѣдующее мѣсто, а по выдавшимся салазкамъ первое мѣсто, что придаетъ имъ лицу чрезвычайно угловатую форму. Чудяне въ большинствѣ являются очень коротко- и круглоголовыми, занимая въ этомъ отношеніи въ ряду остальныхъ народовъ финскаго происхожденія чуть ли не первое мѣсто. Таковъ обликъ Чудина въ отличіе отъ его сосѣдей.

Вьюгами, мителями и холодомъ обездолила повидимому природа Чудина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему въ изобиліи и средства укрыться отъ этихъ напастей, такъ, какъ не суждено отъ нихъ укрываться нашему крестьянину центральныхъ губерній: лѣсу вокругъ народилось —

Озерной видъ.

дѣвать некуда, а въ лѣсѣ-то и есть его защита. Живя въ этомъ лѣсномъ привольѣ, обстроился Чудинъ такъ, какъ и средней руки состоятельному человѣку въ иномъ мѣстѣ не обстроиться; какъ онъ прежде жилъ, того мы не знаемъ, а теперь срубилъ онъ себѣ жилище на исконный новгородскій ладъ, но все-таки не совсѣмъ, а внесъ въ постройку и кое-что свое, что сразу обличаетъ въ хозяинѣ не русскаго озернаго человѣка, а инородца; до многого въ постройкѣ и приладѣ онъ не додумался, а многое даже ему и не по вкусу пришлось, и устроился онъ, хоть на общій манеръ, а все же по-своему. Изба у него двухъ-этажная, да нижній этажъ не облюбили Чудинъ для жилья, а сталъ онъ туда складывать рухлядь всякую, кое-что по хозяйству, сѣти и прикладъ весь рыболовный, а зимою не задумался туда же свалить и полѣсовщину свою, уловъ, муку, толокно и рѣпу; тутъ же въ нижнемъ этажѣ или, какъ здѣсь выражаются, въ стрѣѣ, помѣщается объемистый чанъ, въ которомъ непременно уже находится мѣстное питье, общепотребительное и любимое, принятое и желанное у Русскихъ, и у инородцевъ — рѣпный квасъ, о которомъ даже легенды въ области сложены. Въ виду того, что Чудинъ ушелъ жить въ надстрой или во второй [этажъ, не потребовалось ему туда

внизъ и свѣта много, а оказалось возможнымъ прорубить въ строй и мало, и малыя оконца; не въ обычайъ въ эти оконца стекла вставлять, а по большей части заткнуты они чѣмъ попало, только бы не очень уже настудить строй, такъ какъ стыдь оттуда проберется и въ надстрой и выживетъ оттуда жителей, хоть къ холоду они и привычны съ малолѣтства. Есть и еще одна характерная черта въ чудскомъ домѣ, и странное дѣло, почему русскій человѣкъ отчуждался отъ одной хорошей чудской выдумки, которая пригодна была бы всякому; съ передняго фасада проложена подъ крышею чудской избы жердина, а на жердинѣ прилажена вяленаина: 2—3 окорока мяса, а то, за недостаткомъ, такъ и другія какія нибудь части убины. Чудь ѣсть вяленину, а Русскій какъ-то на нее не падокъ, а потому и ѣсть хуже Чуди. Наконецъ, признать чудское жильё можно еще и по отсутствію дымовой трубы, хотя во всѣхъ русскихъ окрестныхъ избахъ не найдешь и намёка на черную топку; у Чуди всегда продѣлана въ крышѣ особая дверца — «хайло», такъ какъ иначе отъ дыма житья бы въ избѣ во время топки не было. Къ избѣ сбоку прилажены кое-какія приступочки (ступеньки), а по нимъ взбираешься и на крылечко; крылечко это очень мало, такъ что по русскому обычаю семьѣ низачто на немъ не умѣстится лѣтомъ обѣдать, на немъ вообще не очень-то и безопасно, такъ какъ оно безъ перилъ, да и слажено некрасиво, безъ крыши, на кривыхъ сваяхъ съ необчищеною корою и куда какъ неказисто на видъ — знать, не дошелъ еще Чудинъ умомъ до сознанія красоты. Неуклюжая дверь, часто безъ щиколды, ведетъ съ крыльца въ сѣни; у двери этой найдутся косяки, у оконъ же зачастую нѣтъ оконниковъ, а рамы прямо вставляются въ кадрубки въ бревнахъ, такъ какъ пользы отъ оконниковъ не созналъ еще Чудинъ и пока обходится еще безъ нихъ; сѣни хоть и длинны бываютъ, а въ ширину захватываютъ не больше трехъ аршинъ и притомъ освѣщаются лишь тогда, когда отворяютъ входную дверь, такъ какъ наддвернаго оконца Чудь не дѣлаетъ, словно хочетъ побольше укрыться отъ свѣта. Тутъ же, вправо отъ двери и притомъ отъ нея весьма близко, прилаживается спускъ въ строй, но прилаживается плохо и будто на скорую руку; въ сѣняхъ четверо дверей, изъ которыхъ однѣ входныя съ крылечка. Налѣво отъ входной двери прорубается обыкновенно дверь, ведущая въ жилую горницу, и опять же съ косяками; чуть войдешь въ горницу, какъ тотчасъ же поневолѣ поразишься нѣкоторою особенностью, которая вполне ясно доказываетъ, что хозяева не русскіе люди и не переняли даже у Русскихъ ихъ манеры устанавливать въ горницѣ мебель: прямо передъ дверью, между двумя окнами, стоитъ большой семейскій столъ, которому въ русской избѣ мѣсто назначено въ красномъ углу, подъ тябломъ. Вокругъ всей горницы, начиная отъ входной двери и вплоть до печки, тянется сплошная лавка, неудобная для спанья и крайне узкая, а надъ нею идетъ полица, куда прячутъ шапки рукавицы и всякую мелкую домашнюю рухлядь; если брать отъ печнаго угла, то въ противоположномъ углу помѣщается обыкновенно тябло со старинными, большею частью, иконами, такъ какъ послѣднія больше почитаются Чудянами, хотя и не всё они придерживаются старой вѣры; любятъ Чудинъ изукрасить тябельный уголъ разными картинами духовно-нравственнаго содержанія и литографіею раки Св. Александра Свирскаго, котораго всё, и Русскіе, и ивородцы, знаютъ въ Озерной области за своего заступника при жизни и по смерти. Въ правомъ углу помѣщается громадная глинобитная печь, облицованная иногда кирпичемъ; глинобитная работа эта выполнена съ такимъ искусствомъ, что можно дивиться, увидавъ, какъ все это плотно и прочно сдѣлано; надъ челомъ этой печи, въ потолкѣ продѣлана дыра, закрываемая особою дверцею или заслономъ, а обокъ съ печью стоитъ уемистый чанъ, въ которомъ при нуждѣ рыбу чистятъ, а когда и руки моютъ; отъ внѣшняго выступа печи протягивается веревка, а на нее вздвигается зававѣска, отдѣляющая отъ горницы женское и дѣтское царство, гдѣ идетъ вѣчный гомонъ и куда не всякаго тоже впускать; все здѣсь уставлено горшками, плошками и другою посудю, а также слышится пискъ и визгъ дѣтей. Другая дверь изъ сѣней, расположенная напротивъ входной, ведетъ въ «пологу», гдѣ лѣтомъ спятъ семейскіе, а зимою хранятся припасы разные, шкурки и

тому подобные предметы. Наконец, четвертая дверь ведет «на сарай», расположенный обыкновенно во втором этажѣ; есть въ сараѣ полъ, сдѣланный изъ крупнаго накатника, и помѣщаются въ немъ кормъ для скотины, земледѣльческія орудія, телега, сани, дровни и смычки, коли имѣются; въ полу продѣланы двѣ или три двери, при посредствѣ которыхъ сарай сообщается съ «поскотницей» или дворомъ, помѣщаемымъ въ нижнемъ этажѣ; тутъ, въ поскотницѣ живетъ скотина, которой рѣдко много бываетъ у Чудина; какъ сказано выше, изъ поскотницы въ надстрой ведетъ обыкновенно лѣстница, безъ перилъ и сложенная кое-какъ, на-скоро. Со двора, со втораго этажа спускается на заднемъ фасадѣ избы «спускъ» или «възѣздъ», сдѣланный опять же изъ накатника и служащій для прямаго сообщенія сарая съ землею. Вблизи отъ дома, шагахъ въ 30—40 отъ него, поставлена «ригэ», или гумно, сложенное безъ пути изъ криволѣся, очень неряшливо, съ дверью и двумя дырами для выхода дыма; такая неряшливость постройки объясняется тѣмъ, что «ригэ» горять очень часто, а потому и не приходится особенно стараться въ ихъ постройкѣ; величиною она очень мала, такъ какъ и хлѣба-то родится у Чудина мало, и довольно ему его маленькой ригэ на его потребу. Есть и еще подлѣ чудскаго жилья своего рода особенность, вещь хозяйственнал, обусловленная тамошнею нуждою, невозможностью собирать совершенно спѣлый хлѣбъ, изъ боязни, чтобы, пока ждешь его доспѣли, не побили все морозы: недалеко отъ деревни, а иногда и за нѣсколько верстъ отъ нея, протянулось маленькое поле, а у поля возвышается «зарода», то одному счастливцу принадлежащая, а то и цѣлой деревнѣ, благо немного на ней сушить приходится и хватить ея одной на всѣхъ однодеревенцевъ. Зарода — это двѣ тычины съ поперечными перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ снопы для «дохода и доспѣли» на солнцѣ. Есть подлѣ избы и баня, для мытья и какъ жилье, излюбленное «кюльветъ-ижанда», добраго божка, съ которымъ Чудь старается жить въ мирѣ и добромъ согласіи, а не то онъ хоть кого со свѣту сгонять.

Куда какъ богаты рѣки, рѣчки и озера чудскія всякою рыбою, а лѣса ихъ дичью и звѣремъ всякимъ, а Чудинъ все же таки ѣсть не такъ, какъ бы подобало ему ѣсть на такомъ раздольѣ, и не потому, что лѣвится онъ для своей ѣды походить да поохотиться, а потому лишь, что смотреть на свою ѣду, какъ на что-то неважное, и несутъ лучшій кусокъ либо въ городъ, либо къ скунщику. Ужъ на что не взыскательна капуста, а и той не писано на роду у Чудина въ огородѣ расти, также точно какъ и луку, такъ какъ не могутъ эти русскіе любимцы справиться съ позднимъ тепломъ да съ раннимъ холодомъ; хрѣнъ не повкусу Чудину пришелся — не ѣсть онъ его вовсе, хотя и хорошъ онъ въ этихъ мѣстахъ противъ цынготной болѣзни. За всѣ овощи эти несутъ тяжелую службу и идетъ во всякую ѣду рѣпа, которую русскій сѣверный острякъ величаетъ въ шутку своимъ «ананасомъ», — до такой степени она ему любезна: и въ уху онъ накрошить, и запечетъ ее, и парить, и варить, да не прочь и сырьемъ ѣсть; есть почетъ рѣпѣ и отъ Чуди, и безъ нея Чудинъ не сядетъ и за столъ; наконецъ либо онъ, либо Карелякъ первый умудрился сдѣлать изъ рѣпы квасъ или, вѣришь, ту мутъ, что непривычному челоуѣку и не выпить и что вкусомъ смахиваетъ на имбирный квасъ. Горохъ Чудяне не долублюваютъ, а держатся крѣпко ячменя, изъ котораго дѣлаютъ очень крупную крупу и пекутъ изъ нея калитки или пирожки; такимъ же почти почетомъ пользуются и бобы, которые опять-таки ѣдятъ всячески и лущатъ даже и ѣдятъ сырьемъ въ видѣ особаго лакомства. Великимъ подспорьемъ въ лицѣ являются для невзыскательнаго Чудина разные грибы, а въ особенности волнуха и рыжикъ, которыхъ и варятъ, и жарятъ, и солятъ впрокъ. Умудрилась Чудянка изъ гриба и свое парадное блюдо придумать — «сень»: для этого волнухи прежде всего варятъ и затѣмъ поджариваютъ вмѣстѣ съ коноплянымъ сѣменемъ на сковородкѣ; коли «сень» сдѣлана съ масломъ и мукою, то она называется уже «кобе»; даже и простые блины любитъ Чудинъ ѣсть не просто, а нарѣжетъ намелко рыжиковъ, да и наложитъ ихъ на блинъ. Но главнымъ и самымъ любимымъ блюдомъ Чуди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ отвратительнымъ для тѣхъ, кто не очень сильно голоденъ, слѣдуетъ признать такъ называемую «загусту»; придумала загусту голодовка,